

УДК 930.85

Зубарев А.В.¹

**ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИИ
ОСОБОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО СТАТУСА КУЗНЕЦОВ,
МЕТАЛЛУРГОВ И ОРУЖЕЙНИКОВ**

Тульский государственный музей оружия

Zubarev A.V.

**PRECONDITIONS FOR THE FORMATION AND PRESERVATION
OF A TRADITION OF SPECIAL SOCIO-CULTURAL STATUS
OF BLACKSMITHS, METALLURGISTS AND GUNSMITHS**

Tula State Museum of Arms

Аннотация. В работе поставлена проблема традиции особого социокультурного статуса кузнецов, металлургов и оружейников; определено отношение к проблематике социокультурного подхода в исторической науке; сформулированы и прокомментированы основные факторы формирования и сохранения традиции особого социокультурного статуса названных категорий населения у разных народов мира, а также у народов России, в том числе, на примере сословия тульских оружейников. Определены необходимые направления дальнейшего изучения различных аспектов традиции, а также комплексного исследования истории создания и развития Тульского государственного музея оружия как уникального культурно-просветительского комплекса.

Ключевые слова: традиция, социокультурный подход, особый социокультурный статус, кузнецы, металлурги, оружейники, шаманы, кузнечные и металлургические культы, сакрализация и мифологизация, образ монарха-работника, ритуальное анти-поведение.

Abstract. The problem of the tradition of special socio-cultural status of blacksmiths, metallurgists and gunsmiths is posed in the work; the relation to a problem of the sociocultural approach in a historical science is defined; formulated and commented on the main factors of the

¹ Зубарев Алексей Валерьевич — хранитель музейных предметов Тульского государственного музея оружия (ТГМО).

formation and preservation of the tradition of a special socio-cultural status of the above categories of the population among different peoples of the world, as well as among the peoples of Russia, including the example of the estate of the Tula gunsmiths. The necessary directions for further study of various aspects of the tradition, as well as a comprehensive study of the history of the creation and development of the Tula State Museum of Arms as a unique cultural and educational complex were determined.

Key words: tradition, socio-cultural approach, special socio-cultural status, blacksmiths, metallurgists, gunsmiths, shamans, blacksmith and metallurgical cults, sacralization and mythologization, monarch-worker image, ritual anti-behavior.

Одной из характерных примет времени на рубеже XX и XXI столетий стало закономерное возрастание интереса научного сообщества к вопросам истории культуры и социокультурной проблематике. Это несколько не удивительно в обстановке резкого обострения противоречий развития современной цивилизации и возрастания глобальных угроз и опасностей, в том числе опасности реальной культурной деградации человеческого общества, несмотря на бурный рост научно-технического прогресса. Отсутствие готовых рецептов выхода из сложившейся ситуации вынуждает усиливать поиски ответов на очередные вызовы времени. Одним из средств, позволяющих нащупать искомое, по мнению ряда исследователей, может стать применение социокультурного подхода.

Однако, если специалисты в области социологии, психологии, культурологии, философии и гносеологии (эпистемологии) активно изучают и используют анализ социокультурных факторов, то вопрос о применении социокультурного подхода в исторической науке пока далеко не однозначен. С одной стороны, подобный подход возник в мировой научной мысли сравнительно недавно. Хотя известны многочисленные работы как зарубежных, так и отечественных исследователей по его поводу, приходится констатировать, что социокультурный подход все еще не стал определяющим в развитии ни современной исторической науки, ни культурологии. Немалой частью исследователей он воспринимается лишь как один из вариантов методологических подходов к изучению вопросов истории и культуры. При этом понятие социокультурного статуса в контексте социокультурного подхода, хотя и используется в научной и научно-популярной литературе, все еще не имеет единого четкого определения. В рамках вышеназванного подхода большинство исследователей использует чаще, в основном, анализ социокультурных процессов и социокультурных факторов развития общества. [38, с. 8—25.] По словам Е.А. Тюгашева, «со-

циокультурный подход является методологемой прикладной философии, предназначенной для познания и разработки регулятивов развития отдельных объектов на основе обеспечения единства общего и особенного» [38, с. 25], при этом «выступает сложной методологической конструкцией, которая снимает в себе предпосылочные методологемы, но не сводится к ним» [38, с. 20]. Социокультурный же статус, в свою очередь, может трактоваться как мера гармонии во взаимоотношениях природы, человека, общества [29]. С другой стороны, можно говорить, скорее, не столько о готовой и состоявшейся концепции, сколько о давно назревшей потребности в новой методологии, о поиске такой новой парадигмы и о процессе ее разработки, чем, по большому счету, и является сам социокультурный подход на сегодняшний день. В значительной мере все то, с чем связана означенная новая парадигма, в исторической науке на практике применяется в рамках цивилизационного подхода, чем мы и будем руководствоваться.

В определении заявленной нами темы ключевыми являются понятия традиции и особого социокультурного статуса. Именно традиционно особое положение кузнецов, металлургов и оружейников у многих народов на протяжении веков и даже тысячелетий нашло свое отражение в их истории, культуре и образе жизни. Иногда к указанным профессиональным категориям добавляют геологов-рудознатцев и рудокопов-горщиков, а также ювелиров. Характерными чертами исследуемой традиции можно считать ее вариативность у разных народов мира и фрагментарность сохранения указанного традиционного комплекса по состоянию на сегодняшний день, за исключением ряда стран так называемого «третьего мира», где перечисленные категории населения все еще сохраняют кастовый характер.

Целью исследования является постановка проблемы и выявление основных предпосылок формирования и сохранения традиции особого социокультурного статуса кузнецов, металлургов и оружейников как системы объективных факторов. В качестве источниковой базы используются работы российских и зарубежных авторов. В качестве дополнительных привлекаются материалы Тульского государственного музея оружия, как уникального культурно-просветительского комплекса, являющегося, по сути, не только музеем образцов отечественных и зарубежных вооружений XIV—XXI вв., но и музеем развития оружейной конструкторской мысли и истории тульских оборонных предприятий или, в нынешнем прочтении, предприятий ВПК (Военно-промышленного комплекса) или ОПК (Оборонно-промышленного комплекса), расположенных на территории Тульской области.

Вопрос о хронологических рамках возникновения и бытования исследуемой традиции все еще остается открытым. Нижней границей времени появления ее, предположи-

тельно, можно считать эпоху возникновения древнейшей металлургии и кузнечного ремесла в период перехода от неолита и энеолита к бронзовому веку (считается, что сплав олова с медью — бронза — был известен уже в IV тысячелетии до нашей эры, а чистое олово во II тысячелетии до нашей эры) [36]. Верхнюю временную границу определить затруднительно, поскольку степень сохранения особого социокультурного статуса кузнецов, металлургов и оружейников в истории и культуре разных стран и народов все еще не изучена, как, впрочем, нет еще комплексного обобщающего исследования сравнительного бытования означенной традиции у различных народов мира.

К примеру, в научной литературе представлены исследования по вопросам формирования сословной группы тульских оружейников с определенным правовым статусом и, в частности, особого правового статуса работников кузнечной и оружейной отрасли России на примере тульских казенных кузнецов в исследованиях Т.С. Соломатиной. Подробно, с почти исчерпывающей полнотой, изучены в работах В.Н. Ашуркова, И.Н. Юркина и Е.Е. Дроздовой многие аспекты истории тульского оружейного и металлургического производств, в том числе первого завода династии Демидовых — металлургического завода Никиты Демидова, дореволюционное положение рабочих-оружейников и тульской военно-технической интеллигенции. На основе архивных материалов многими тульскими авторами исследуется судьба других отраслей промышленного и кустарного производств края, биографии их владельцев, а также последующее развитие тульской индустрии вплоть до наших дней. Однако, на наш взгляд, представляется необходимым уделить внимание изучению всего комплекса явлений, составляющих неповторимый социокультурный облик кузнецов, металлургов и оружейников, и не только на тульском материале. Это касается как всех этих трех категорий населения вместе, так и каждой из них по отдельности. В качестве примера можно привести одно из высказываний исследователей, констатирующих, что «культурный и религиозный аспект феномена кузнецов изучен совершенно недостаточно» [21].

Вместе с тем, необходимо отметить, что по указанной тематике исследователями местных национальных металлургий и кузнечного дела народов Северного Кавказа, Закавказья, Поволжья, Урала, Сибири, Монголии, Дальнего, Среднего и Ближнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии, Африки накоплен интересный археологический, этнографический, этнопсихологический, социологический и палеосоциологический материал, требующий изучения, сравнительного анализа и обобщения. В рамках религиоведения и сравнительной мифологии поистине гигантскую подобную работу провел в свое время

крупнейший авторитет в этой области знания румынский, французский и американский философ, религиовед, историк религий, этнограф и писатель румынский ученый Мирча Элиаде [44; 45, с. 176—180]. Современными исследователями также указывается на чрезвычайную важность изучения особенностей мышления для понимания процессов развития духовной и материальной культуры древних обществ [25]. Соглашаясь с этим, можно привести выводы абхазских авторов, сделанные ими на основе своего местного материала, об обособленности кузнецов, о наличии особого кузнечного культа, об установке в заброшенных кузнях маленьких моделей кузни и совершении молений, о магии кузнечных орудий, о наследственности кузнечного дела, причем, даже если человек не кузнец, он считался обладающим особыми способностями и его беды объяснялись тем, что он не выполняет предназначенное ему дело [2, с. 232—274; 4, с. 263—306].

Мы предполагаем, что система предпосылок охватывает не только социокультурные факторы, как преобладающие жизненные ценности, установки, культурные традиции, но также и ряд природно-географических и социально-экономических. На наш взгляд, можно выделить следующие основные факторы формирования и сохранения традиции особого социокультурного статуса кузнецов, металлургов и оружейников.

1) Наличие природно-географических и социально-экономических предпосылок для формирования очагов кузнечного, металлургического или оружейного производств, с последующим их развитием вплоть до формирования соответствующих экономических отраслей народного хозяйства. Именно сочетание возможностей организации таких производств с превращением металлов и изделий из них, как средств производства, обмена, защиты и денежного эквивалента, в одно из важнейших условий жизнеобеспечения всего общества, приводило к возникновению особого статуса всего, имеющего к тому самое непосредственное отношение.

2) Все эти категории ремесла объединяет работа с металлами и стихией огня, а также с рудой и топливом, добытыми из земных недр, либо, в отдельных случаях, с метеоритным железом «небесного происхождения», а также со стихией огня, предполагающая сходные во многом процессы производственной деятельности, включающими поиск и добычу руды и топлива, плавление в печи, литье, ковку и закаливание готовых металлических изделий, в сочетании с их художественной отделкой и украшением, сопровождаемыми соответственной сопутствующей мифоритуальной обрядовой практикой до начала или после окончания основных работ.

Стоит привести слова М. Элиаде, посвященные религиозному контексту металлургии применительно к мифологии железного века: «Металлург, как и кузнец, как и еще прежде гончар — это “хозяин огня”. С помощью огня он добивается перехода материи из одного состояния в другое. Что касается металлурга, то он ускоряет “возрастание” руд, он делает их “зрелыми” в чудесно краткие сроки. Плавка оказывается средством “ускорения”, но также и средством создать *нечто другое* из того, что уже существовало в природе. Вот почему в архаических обществах литейщики и кузнецы воспринимались как “хозяева огня” — наряду с шаманами, знахарями и колдунами» [44]. В этой связи представляется вполне оправданным и необходимым проведение дальнейших исследований по вопросам формирования и развитию металлургических и кузнечных культов, а также о сохранении их элементов до нынешнего времени. Например, подобное констатируется применительно к современным странам Африки: «Вместе с кузнецами пришли на заводы их ритуалы и обычаи» [20].

Относительно связи с огнем не только металлообрабатывающих ремесел, но и гончаров следует добавить показательные примеры из истории Тульского края, где издавна параллельно развивались, с одной стороны, металлургия и кузнечное дело, а с другой — гончарные промыслы, в том числе изготовление знаменитой народной Филимоновской глиняной игрушки, первоначально выполнявшей обрядовые функции. Память об этом, а также о гончарах-горшечниках и кирпичниках тульской Гончарной слободы, занимавшихся «Государевым кирпичным делом» и подчинявшихся непосредственно Приказу каменных дел, сохранилась в наименованиях поселений Большие и Малые Гончары. Как известно, часть тульских гончаров в XVIII—XIX вв. была переведена из гончаров в казенные оружейники. [15, с. 142—159; 16, с. 190—195.]

3) Приписывание огню, природным минералам, самородным и выплавленным из руды металлам, а также изделиям из них особым свойствам и волшебным качествам, следствиями чего стали сакрализация и мифологизация труда кузнеца, рудознатца, металлурга и оружейника, складывание космогонических и космологических представлений об особой роли носителей этих профессий в процессах эволюции космоса, природы и человека, в сочетании с формированием у ряда народов образов кузнеца-культурного героя, кузнеца-творца, кузнеца-хранителя земного и небесного огня и очага, кузнеца-царя, кузнеца-демона и кузнеца-бога.

«Кузнец в древние времена был не просто человеком, обрабатывающим металл. Его сфера деятельности охватывала практически всю технологическую цепочку от поиска

и добычи руды до создания готовых изделий из металла, который выплавлялся из этой руды ...тех, кто видел его за работой, конечно же, поражало то, что кузнец (он же металлург по сути) получал ценные вещи практически «из ничего» — из куска какого-то камня. Поэтому у многих народов кузнец-металлург считался чуть ли не чародеем, а сама профессия была очень почетной» [36]. В более поздние времена образ искусного мастера-оружейника, подковавшего блоху, был воплощен Николаем Семеновичем Лесковым в образе Левши, историческому прототипу которого посвящена одна из работ нашего славного земляка Вадима Николаевича Ашуркова [5], а также тульским писателем Иваном Федоровичем Панькиным в «Легендах о мастере Тычке».

Власть кузнеца не ограничивалась работой с металлом. В представлениях народа бамбара (Западная Африка) работа ремесленника святая, поскольку она «имитирует» и обогащает творчество Высшего Существа Маа Нгала, а кузнец, подобно мастерам ткацкого и кожевенного промыслов, является господином слова, жеста и ритма: «Кузнец кует Слово, Ткач его ткет, Кожемяка выделывает» [3], где понятие «Слово» символизирует космическую энергию жизни. Не случайно в древнерусских былинах огромного крылатого змея побеждает именно ремесленник, Никита Кожемяка, когда, связав его и запрягши в плуг, пропахал на нем огромную борозду до самого Черного моря — метафора победы творческого труда над стихийными силами хаоса. В других вариантах былинного эпоса кожемяку заменили братья-кузнецы Кузьма и Демьян, в ряде сказаний превратившийся в единого персонажа — Кузьма-Демьяна, о чем подробнее будет сказано чуть ниже.

В представлении архаического человека, кузнец не только может ковать молнии, но может сковать даже небо, солнце и луну. В мифологическом сознании он не ограничен в своей деятельности рамками обычного кузнечного ремесла и часто выступает как «божественный мастер» вообще, «господин всех ремёсел». В мифах и обрядовом фольклоре балтов, славян, германцев говорится о том, что кузнец может выковать песню, свадьбу, слово, перековать голос, построить дом, и даже создать для людей мельницу счастья и изобилия Сампо, как герой карело-финского эпоса «Калевала» бог-кузнец Ильмаринен. Один из наиболее ярких примеров — образы Пхармата (Пхармарта) в фольклорном наследии чеченцев, ингушей и в других вариантах Нартского эпоса, а также прикованного Амирани в одноименном национальном грузинском эпосе, восходящие к прообразу древнего культурного героя Прометея, познакомившего людей с кузнечным делом и со стихией огня [42; 43]. В некоторых странах Африки и Азии правителями выбирали лишь тех, кто хорошо знал кузнечное дело. У ряда народов профессия кузнеца объединялась с вы-

полнением жреческих функций и функций правителей. Существовали даже цари-кузнецы. Известен западноафриканский эпос о царе кузнецов по имени Сумаоро [28, с. 177—185; 34].

В Тульском музее оружия представлены знаменитые царские ружья — подарочные экземпляры, преподнесенные в дар монархам или членам августейшей фамилии по случаю посещения ими Тульского оружейного завода. Каждый из указанных предметов имеет не только мемориальную ценность, но и является по сути произведением оружейного и декоративно-прикладного искусства. Представляется весьма показательным, что на многих из них увековечено участие, пусть и символическое, монарших особ в процессе изготовления этих ружей, карабинов, а позднее и винтовок: «Ея императорское величество в бытность на Тульских оружейных заводах благоволила на семь ружье собственными своими руками назначить троекратно молотком в память бытия ея императорского величества в заводах в 1775 году декабря 14 дня»; «Его высочество великий князь Николай Павлович в память незабвенного посещения Тульского завода ознаменовал сей ствол собственноручною ковкою 1816-го г. июля 28»; «Его величество государь Александр I в бытность свою на Тульском оружейном заводе 1816 года сент. 1-ого удостоил сей ствол и штык собственноручною ковкою в память незабвенного посещения»; «Государь Император Николай I удостоил заваривать этот ствол 5 сентября 1842 года»; «Его Императорское Высочество Государь император Александр Николаевич в память посещения Тульского оружейного завода 1 сентября 1875 года соизволил собственноручно оттиснуть на сем стволе название завода»; «Императорский Тульский оружейный завод. 1887 г. Е.И.В. Государыня императрица Мария Федоровна в память посещения Императорского Тульского оружейного завода 9 мая 1887 г. соизволила собственноручно оттиснуть на сем стволе название завода» [41]. Еще об одном факте подобного участия пишет С.А. Зыбин: «2 ноября 1817 года Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Павлович удостоил завод посещения своего. Его Высочество также изволил оставить после себя памятник уважения своего к трудам ружейных мастеров, действовав молотком при ковании ствола ружья» [14].

Близость русских царей к кузнечному ремеслу была известна и раньше. Любителямиковки были Иван Грозный и Петр I, принимавший участие в ковке якорей на Воронежской судовой верфи. В Туле находится знаменитый памятник Петру скульптора Р.Р. Баха, открытие которого было приурочено к 200-летию Тульского оружейного завода в 1912 году, где император запечатлен с кузнечным молотком в руках у наковальни, в рубахе с закатанными рукавами и в фартуке.

Следует отметить, что факты подобного почетного участия монархов и членов их семей в работе мастеров-оружейников были характерны не только для России, но и для других стран Европы, где царствующие особы также «не брезговали брать в руки кузнечный молот». Известно, что французский король Карл IX был талантливым мастером по ковке замков и ключей, Людовик XIII все свое свободное время посвящал художественной ковке, Людовик XIV устроил себе кузницу в Версальском дворце. Любителямиковки были первый президент США Джордж Вашингтон и итальянский диктатор Бенито Муссолини.

4) Традиция устойчивого наделения представителей указанных профессий шаманско-жреческими функциями в рамках металлургических и кузнечных культов, наряду с шаманами, жрецами и другими служителями религиозных или прото-религиозных культов, в сочетании с массовой практикой активного применения камней, минералов, изделий из металлов и предметов вооружения в качестве атрибутов культовой и посвячительной практики.

Интересен описанный исследовательницей феномена «знающих» (туно) в удмуртской традиционной культуре (кстати, на территории еще одного центра российского оружейного производства — Ижевского) Т.Г. Владыкиной наблюдавшийся ею лично во время фольклорной экспедиции в 80-х гг. XX в. ритуал выбора жрецом-туно нового кандидата в жрецы для последующей передачи полномочий. В ходе обряда самим туно, перешедшим буквально на глазах зрителей в измененное состояние сознания, было совершено внезапное метание сабли (в других сходных случаях — ножа либо кинжала) сквозь стоящую в избе толпу народа, причем «сабля проскользнула между вплотную стоящих людей, никого при этом не задев, и воткнулась в стену напротив того человека, которого туно прочил в жрецы» [10].

У ряда народов Сибири до сих пор сохраняется обычай изготовления кузнецами ритуального шаманского костюма в виде металлической модели скелета человека и защитных зеркал, оберегающих шамана от вредоносных духов, а также имеющих символическое значение металлических подвесок на шкуре-основе костюма, которые обозначают духов-помощников из числа шаманов-предков и оберегают его во время путешествия между мирами. В литературе встречаются упоминания и о том, что кузнецы «почитались наравне с шаманами, соперничали с ними и даже иногда их побеждали» [34, с. 84—95].

По религиозным представлениям эхирит-булагатов (одной из этнических групп бурят), условием получения кандидатом в шаманы шаманского наследственного дара (именовавшегося «шаманский корень (буудал удха)») было нахождение так называемого «небесного снаряда» или «снаряда небесного происхождения», т.е. метеорита. [8, с. 79] Буу-

дал удха — термин, означающий буквально «спущенное с неба происхождение» шамана. Оно приобреталось человеком, нашедшим упавшие с неба «священные камни» — метеориты, считавшиеся пуговицами с одежды главного небожителя и его жены. При этом убитый молнией, или же человек, на усадьбе которого упал метеорит, признавался родоначальником нового шаманского рода [22, с. 25]. Согласно представлениям эхиритбулагатов Кудинской долины и Верхоленского края, убитый молнией человек считался взятый на небо к божествам грома и молнии, за какие-нибудь выдающиеся качества, он почитался наравне с умершими шаманами, а потомство получало шаманское удха-буудал (нэрьер) удха, т. е. право быть шаманом [24, с. 12].

Связь бурятского шаманизма с обладанием метеоритным железом представляется отнюдь не случайной. По словам М.Н. Хангалова, бурятские черные и белые шаманы одинаково проходили обряд посвящения и получали шаманские атрибуты, но особенность черных шаманов состоит в том, что они обязательно должны были иметь удха от божества-покровителя кузнецов. Подробно изучен и культ духов-покровителей рода кузнецов «дархан удха» («небесное кузнечное происхождение») [7, с. 234—238].

Известны иконографические изображения божеств-покровителей кузнечного ремесла, например, буддийское изображение покровителя бурятских кузнецов и ювелиров Дамдин Дорлиг, которого «изображают с очень гневным лицом, в головном уборе «жольбер» в виде железной островерхой шляпы, с кузнечным молотом в правой руке и кузнечными мехами, сделанными из человеческой кожи, — в левой, восседающим на коричневом козле со скрученными рогами, охваченным черным огнем» [11, с. 100]. Как пишут исследователи бурятского шаманизма и кузнечного производства К.А. Сагалаев и А.Г. Гомбожапов, в современную эпоху в Бурятии «не у каждого мастера есть настоящая кузница. В таком случае кузнец держит дома миниатюрный ее макет. В символической кузнице обязательно должна быть фигурка священного козла со скрученными рогами. Козел — животное священное, он является ездовым животным для кузнечного божества. Также в кузнице представлены различные инструменты: тиски, меха, наковальня, горн и, конечно, молот» [34, с. 95], что перекликается с упомянутыми ранее абхазскими обычаями [2, с. 232—274; 4, с. 263—306]. «Молот кузнеца и шаманский бубен звучат и сейчас, они созвучны друг другу и окружающему человека Миру. Все, что нам остается — услышать, а точнее — почувствовать эту древнюю музыку» [34, с. 95].

5) Архаическая стадия развития общества, с характерными для нее мифологическим мышлением и мифологической картиной мира, предполагавшими отношение к со-

держанию мифа как священному знанию о технологии изготовления вещей и как руководству по символическому созданию и воссозданию Вселенной путем обрядово-ритуализированных технологических систем и операций [6, с. 153], с традиционной сакрализацией технологий, рецептов и секретов мастерства, сохранявшейся и в последующих за нею эпохах, что способствовало консервации в рамках религиозного сознания, как следующей стадии развития мышления, существенных фрагментов прежнего мировосприятия либо его пережитков. Процессы творения мира и изготовления вещей воспринимались как тождественные [35, с. 137; 10a].

По словам А.А. Никоновой, до сих пор дискуссионными остаются как интерпретация такого понятия как «мифологическое» и соотношение его с термином «архаическое» сознание, так и выявление ключевых признаков данных мировоззренческих явлений. Хотя в современной философской литературе термины «сознание» и «мышление» различаются по смыслу, однако в историко-культурологических исследованиях чаще всего термины «мышление» и «сознание» употребляются как синонимы и дополняются более обобщающим термином «мировоззрение» [27]. Один из ключевых признаков, свойственных архаическому сознанию, — «мифологизация» представлений, отражающая один из способов моделирования действительности. В роли такой модели, образца для подражания и ритуального периодического воспроизведения выступает миф, как священное предание, в поэтично-гротесковой форме повествующее о деяниях богов, героев и божественных предков, и содержащее внешне противоречивые символические смысловые ключи, необходимые для выживания и сохранения идентичности народов, а также, в свою очередь, выступающее идеальным образцом для всех последующих поколений. Именно архаический миф, как выработанный человечеством уникальный способ создания многоуровневого текста, стал универсальным механизмом сохранения, закрепления и передачи особо важной для социума информации [35, с. 141]. Именно миф, как способ человеческого самоопределения, стал адекватным ответом на мистериальность бытия как универсальную культурную форму [26, с. 428].

Исследователь мировоззрения древних обществ Юго-Западной Сибири Ю.И. Михайлов указывает на неоспоримость факта влияния мифоритуальных представлений на характер организации производственных процессов, что проявлялось, в том числе, в многочисленных свидетельствах сакрализации технологий, обеспечивавших материальные потребности древних обществ [25]. По словам А.Ю. Склярова, «наши древние предки ни-

когда и нигде не ставили себе в заслугу освоение металлургических технологий. Они считали это знание даром богов» [36].

б) Последовательное формирование традиционного хозяйственного уклада, обычаев, духовно-нравственных ориентиров, духовно-культурных охранительных кодов и программ в контексте культурных кодов эпохи, этнических и национальных культурных кодов, раскрывающих смысл символов, понятий и запретов, всего образа жизни кузнецов, металлургов и оружейников, и, как следствие, наличие системы поведенческих стереотипов, как внутри этих социальных групп, так и по отношению к ним извне.

Известно, что символизм, как способ фиксирования идеологии, имеет давнюю традицию, восходящую еще к тотемизму. Однако кодирование символов и знаков свойственно не только для архаического мышления. И в более поздние эпохи функция кодированных знаков состояла, прежде всего, в обозначении для посвященных принадлежности к определенной общности [40], в кодировании литературных текстов, наполнении их цитатами и аллюзиями на традиционные мифы и символы, интерпретации архетипических мотивов и т.д.

7) Выделение кузнецов, металлургов и оружейников в отдельную социальную группу, в сочетании со встраиванием представителей указанных профессий в иерархическую структуру общества в качестве почитаемой, либо, наоборот, презираемой социальной категории, в ряде случаев вплоть до оформления в самостоятельную особую касту, как это было в древней Ирландии, Индии, Шри-Ланке и у многих африканских народов.

Например, у народов ряда стран Западной Африки с древнейших времен существовали касты кузнецов и ремесленников. Причем отмечается достаточно четкое разграничение. У кочевых народов статус касты кузнецов, как правило, невысокий. Напротив, у земледельческих народов статус этой группы населения чрезвычайно почетный. При этом, по наблюдениям исследователей, часто встречалось совмещение кузнецами кроме своей основной специализации нескольких ремесел, в том числе деревообработки, изготовления культовой деревянной скульптуры. Феномен подобного деревянного скульптурного православного церковного творчества известен и в Тульском крае (деревянное изваяние Николая Можайского в одном из храмов г. Тулы), а также в Пермском крае и православных храмах Украины [32, с. 137—140]. В семьях кузнецов существовало разделение труда между мужчинами и женщинами: к сфере деятельности мужчин относилось кузнечное дело, производство оружия и ювелирных изделий, а также упомянутая работа с деревом, к сфере женского труда — гончарное и кожевенное дело. Применительно к России нет основа-

ний для вывода о сформированности кастового характера сообществ кузнецов, геологов-рудознатцев, рудокопов-горщиков, металлургов, оружейников и ювелиров.

8) Пограничный характер образа жизни и менталитета, включавший не только жизнь и работу на окраинах жилых поселений, а также в отдельных слободах, либо на особо огороженных территориях, подобно представителям воинского и духовного сословий, но подразумевавший и особую «пограничную зону» духовного пространства, с вынужденной вовлеченностью в те или иные виды взаимодействия с «иным миром».

В огораживании территорий поселения кузнецов, металлургов и оружейников кроме военной необходимости, вероятно, прослеживается и традиционная ритуальная защита, нашедшая свои отголоски в отмечаемых на протяжении веков характерных чертах жизни и быта жителей Тулы, таких как довольно скрытный характер, высокие деревянные заборы, отделявшие дворы туляков от улицы и от соседей, обилие суеверий, даже по сравнению с другими областями центра России. Чаще всего, именно суеверия сохраняют, пусть и в измененном виде реликты прежнего мифологического сознания с характерными ярко выраженными бинарными оппозициями «свой» — «чужой». По замечанию В.А. Коршунова, «ремесленники зачастую были приобщены к чужому, неведомому, сакральному миру даже самым расположением своих мастерских. Гончарные мастерские и кузницы помещались в стороне от жилищ, то есть на границе с мифологически опасным пространством.» «Опасность внешнего, стороннего, потустороннего мира — в первую очередь опасность, осмысляемая мифологически. Свое, обжитое, безопасное пространство — это дом, двор, поселение. «Свое» пространство отгорожено соответствующей чередой иногда незримых, но всегда явных границ (стены, забор, околица). Чем дальше, тем более и более чужим и чуждым казался окружающий мир. Там, в отдалении, в «ином мире», ... обитали змеи, чудовища, враги, болезни» [19, с. 93]. Согласно верованиям финно-угорских народов, как отмечает В.Я. Петрухин, в самые длинные ночи года полагалось рассказывать сказки, поскольку каждая сказка создавала железный обруч вокруг дома, чтобы туда не проникла явившаяся с того света нечистая сила [30]. По существовавшим издревле поверьям, в процессах добычи руды, драгоценных камней и металлов, сходных во многом с кладоискательством, мастерам приходилось иметь дело с охраняющими подземные богатства представителями потустороннего мира (например, известный образ Хозяйки Медной Горы в сказах Павла Петровича Бажова. Нельзя не учитывать и общение с так называемым «миром смерти», предполагавшее, с одной стороны, изготовление оружия, предназначенного не только для защиты, но и для поражения врага, нанесения увечий и лишения

жизни людей и животных, на войне или охоте, соответственно, а с другой, возможность погибнуть самому, «отдать жизнь за други своя». Все это, безусловно, предполагало, в том числе, и наличие особых ритуалов праздничного и повседневного производственного анти-поведения, позволявших сохранять психологическое здоровье людей и общества в целом. Показательно описание исследовательницей традиционного народного искусства И. Агаевой старинного тульского обряда проводов в солдаты (рекруты), в ходе которого проводимые символично-ритуальные действия «были направлены на то, чтобы служба была легкая, чтобы солдат обязательно вернулся домой живым и невредимым» [1, с. 34—36].

Дихотомия «труд — праздность» предполагала наличие традиций ритуальных календарных и сезонных праздников, а также традиций мистериального и ритуального антиповедения [33; 45]. Ритуальное антиповедение «строится на ощущении особенности, резкого выпадения из будничного течения дел — праздничности. Такая неправильность — ожидаемая, законная, то есть “правильная неправильность”» [23, с. 170—200]. Эти и подобные им вопросы, применительно к исследуемой традиции, также нуждаются в специальном дополнительном изучении.

9) Частичное сближение в массовом сознании социальной роли представителей кузнецов, металлургов и оружейников с воинами, скоморохами и юродивыми, в качестве защитников от нападений темных сил и в качестве восстановителей справедливого миропорядка, а также со странствующими паломниками, коробейниками-офенями и вестниками «инога мира», выступая в качестве посредников с «верхним» и «нижним» мирами.

Относительно традиций антиповедения юродивых как особых и особенных людей накоплен немалый исследовательский материал. [33, 45] В этой же связи стоит вспомнить образ оседлавшего черта кузнеца Вакулы из «Ночи перед Рождеством» Николая Васильевича Гоголя, а также традицию посвященных потомственных кузнецов-шаманов (дарханов) Сибири и Монголии. Функции передачи вестей, не только из других миров, но и вообще новостей были свойственны и африканским странствующим кузнецам-инеденам у туарегов.

10) Переход ряда представлений об особой роли кузнецов, металлургов и оружейников из древних прото-религиозных систем в культовую практику современных монотеистических религий (в том числе, и христианства), в сочетании с формированием образа монарха-работника. Известны восточнославянские предания о «святых кузнецах», иногда именуемыми Борисом и Глебом, по аналогии с невинно убиенными святыми князьями-братьями. Как отмечал исследователь средневековой культуры А.Я. Гуревич, «если духовные пастыри видели в святых воплощение христианских добродетелей, то масса ве-

рующих воспринимала их преимущественно в роли чудодеев». [12, с. 280] Легендарный образ древнего бога-кузнеца Сварога и его детей Сварожичей позднее заменил синкретический образ Святого Кузьмы-Демьяна, или Кузьмодемьяна-Свадебника [18, с. 111], не только первого кузнеца, но и первого землепашца, сложившийся на основе парадоксального объединения в народном сознании образов реальных исторических персонажей Святых Космы и Дамиана, лекарей и бессребреников, живших не позднее IV в., канонизированных Православной церковью и Римской Католической церковью. Однако, все это представляется отнюдь не случайным, в том числе, по причине отмеченных исследователями Т.Н. Кондратьевой, Т.Б. Лукиновой и А.А. Потемной созвучия имени Кузьма и существительного «кузнец» [18, с. 111; 31, с. 99], а также парадоксального феномена устойчивого употребления в русской народной культуре фразеологизмов «подкузьмить» и «показать кузькину мать», указывающих и на другую, обратную, сторону отношения в народном сознании к профессии кузнеца, которого не только уважали, но и боялись, по причине предполагавшейся связи кузнецов с потусторонним миром и даже нечистой силой [19]. Вспомнить, хотя бы, хорошо известное науке происхождение слов «коварный» и «козни» от слова «ковать». Как указывает В.А. Коршунков, «фразеологи (Т.Н. Кондратьева, В.М. Мокиенко, В.Н. Сергеев и др.) неоднократно отмечали, что имя Кузьма в народной речи нагружено преимущественно отрицательными смыслами: Кузька — злой, мстительный, недалекий и т. п. ...слово «кузька» в этом фразеологизме может быть связано с коми существительным «кузь» или с соответствующим словом исчезнувшего ныне мерянского языка со значением «черт, леший», которое употреблялось в бранных выражениях» [19]. Последнее также не случайно, поскольку, здесь мы имеем дело с фактом «переворачивания» ряда образов языческой мифологии при переходе к монотеистическому религиозному сознанию, либо с амбивалентным совмещением в таких образах противоречивых и даже противоположных черт и качеств.

Однако было бы ошибочно приписывать подобное амбивалентное отношение в народном сознании исключительно к профессиям мастеров работы с металлом и оружием. Например, в традиционной народной культуре Русского Севера, по определению В.А. Коршункова, обладателями сакрального статуса считались также «поп, скоморох, колдун и печник. А еще мельник, ведьма, гончар, знахарка-повитуха, странник, плотник, солдат, пастух... Всех этих людей объединяет то, что в глазах окружающих они нередко представлялись носителями особого тайного «знания», могли совершать такое, что не под силу обычному человеку. И потому вызывали суеверное уважение, смешанное со стра-

хом» [19]. В крестьянской среде встреча на улице или на дороге с попом (точнее, любым представителем духовенства от священника до монаха включительно) считалась дурной приметой. А работавшие артелями печники и плотники могли «напустить» или «насадить кикимору» в печь или дом скупому хозяину.

Уместно указать также и на объединение образа Кузьмы-Демьяна с традиционной, языческой по происхождению, кузнечной, календарной и соляной образностью и символикой. Так, в упоминаемой исследователем древнеславянского язычества Д.М. Дудко гуцульской легенде царь Соломон участвует в пахоте поля золотым плугом. В русских легендах о Кузьме-Демьяне плуг не назван золотым, но его куют в золотой кузнице, золотыми молотами и т. д. В белорусских поверьях известен кузнец Соломон с 12 учениками. По мнению Д.М. Дудко, под именем библейского царя-мудреца, вероятно, скрывался народной памятью небесный кузнец Сварог [13]. Он же ссылается на сохранившийся древнерусскими книжниками в летописной статье 1114 г. языческий миф о богах Свароге и его сыне Дажьбоге-Солнце, согласно тексту которого, Сварог правил на земле как царь. До него люди не знали ни моногамного брака, ни металла, сражались камнями и палицами. Но при Свароге с неба упали клещи, и люди стали ковать оружие. Кроме этого, царь-бог уредил моногамный брак и строго карал за супружескую измену.

Подобно своему божественному предшественнику, Святой Кузьма-Демьян в свадебных песнях и заклетьях также покровитель брака, «сковывающий» свадьбу. Пережитки этого поверья живы до сих пор, сохранившись, например, в тульском обычае вешать на свадьбе замок на мосту, где прошли молодожены.

Относительно же вопроса о причинах и предпосылках появления образа монарха-работника в эпоху перехода от Средневековья к эпохе Нового времени, необходимо признать, что он нуждается в дополнительном изучении. В образе российского государя Петра Великого, изображавшимся одетым в фартук и стоящим у кузнечной наковальни, с молотком или с клещами в руках, нашли отклик не только крылатые пушкинские строки:

«...Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.
То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой

На троне вечный был работник».

Но, возможно, и масонские учения о мастере Хираме и о царе Соломоне как строителях Храма. Как бы то ни было, в обоих этих случаях явно прослеживается стремление к возрождению древних архетипов царей-тружеников и демиургов.

По мере развития древнего и средневекового обществ система факторов, формирующих и сохраняющих традицию особого социокультурного статуса кузнецов, металлургов и оружейников, видоизменялась.

Если при переходе от первобытного и рабовладельческого обществ к феодальному совокупность трудовых процессов изменилась не столь существенно, то при переходе от эпохи Средневековья к Новому времени наблюдались резкое усиление производственной дифференциации и углубление профессионально-технической специализации. Как следствие, ремесло рудознатцев окончательно отделяется от труда кузнецов, металлургов и оружейников, создается горнорудная (горнодобывающая) промышленность, формируются геологоразведка и ее научная база — геология и минералогия. Металлургия выделяется постепенно в самостоятельную хозяйственную отрасль и, в свою очередь, подразделяется на черную и цветную. При этом добыча серебра, золота и платины превращаются в источники валютных поступлений для финансовых систем государств и частного капитала, а ювелирное дело становится самостоятельной сферой бизнеса. Кузнечное ремесло постепенно превращается в металлообработку, приобретает индустриальный характер и постепенно все больше и больше автоматизируется. Показательна в этом отношении история тульского самоварного производства, практически полностью перешедшего в частные руки, что, в свою очередь размывало границы традиции особого социокультурного статуса. Оружейное производство все сильнее отдаляется от металлургии, в том числе, и по ведомственному признаку. В значительной мере этому способствовало ускорение технического прогресса в области развития вооружений, резко увеличившее уровень требований к качеству металла, и прежде всего, стали и сплавов.

В условиях Российской империи это еще более усугублялось природно-географическими особенностями. Многочисленные месторождения т.н. «болотных» руд не могли удовлетворить всех потребностей растущего и развивающегося государства. В течение долгого времени железо завозилось, в основном, из Германии. Для изготовления замков дорогих ружей использовалась привозная шведская сталь. Ситуация коренным образом изменилась в ходе модернизации страны, проводимой государями из династии Романовых, прежде всего, последовательному реформаторскому курсу Петра Великого.

Благодаря развитию уральской и карельской металлургии в первой четверти XVIII в., страна успешно выиграла Северную войну, а затем вышла вперед по производству чугуна. Однако в течение XIX в. Россия утратила лидерские позиции в мировой черной металлургии, что в значительной степени обуславливалось тем, что здесь, в отличие от Великобритании, Франции и Германии, «нигде не было столь же выгодного сочетания геологических запасов», чтобы «качественный уголь находился рядом с хорошей железной рудой». Как отмечает Д.Н. Верхотуров, «В России же дело обстояло самым печальным образом. Там, где была железная руда, — не было угля, и наоборот, где был уголь, — не было железной руды» [9]. Ярким примером может служить история развития тульского оружейного производства. Созданный здесь в 1712 г. по указу Петра I оружейный завод, вплоть до революции 1917 г. именованный Императорским Тульским оружейным заводом, работал в основном на привозном сырье. Парадоксально, производство продукции ИТОЗ (после 1917 г. — ТОЗ) не было связано ни с местными металлургическими предприятиями, ни с местной угледобывающей промышленностью, по причине недостаточного качества сырья. Ориентировались, в основном, на германскую, крупновскую, сталь, позднее на руду Курской магнитной аномалии (КМА), коксующиеся угли Воркуты, Урала и Казахстана. Даже в начале XXI в., как указывали в письмах тульские мастера-оружейники, «сталь привозная, что на ЦКИБе, что на ТОЗе всю сталь делает ИжСталь», т. е. уральская [37].

Но и за пределами России характерные для кузнецов, металлургов и оружейников традиции обособленной жизни и производства по мере развития успехов индустриализации постепенно размываются, уступая место интегрированию и унификации. Например, даже классические африканские кузнецы-индены в Мали и соседних государствах в ходе прогрессирования процесса постепенного разрушения прежнего кочевого уклада все больше перекавалифицируются на работу слесарей в автосервисах.

Таким образом, подводя предварительные итоги, можно констатировать постановку проблемы традиции особого социокультурного статуса кузнецов, металлургов и оружейников, формулирование основных факторов формирования и сохранения этой традиции у разных народов мира, а также у народов России. Было бы большим преувеличением считать указанную традицию исключительным явлением и атрибутом лишь перечисленных категорий населения. Подобный особый социокультурный статус, либо его отдельные составные элементы и признаки, вероятно, в той или иной мере, могут считаться свойственными и другим социальным или этническим группам, однако это требует отдельных исследований, и находится за пределами нашей темы. Но, безусловно, именно благодаря

всему комплексу факторов и условий рассматриваемая нами традиция наиболее ярко иллюстрирует проблематику указанного статуса. Необходимо дальнейшее изучение ее бытования, определение хронологической периодизации, территориально-этнических вариантов и особенностей, а также вклада в национальное и всемирное культурное наследие. Помимо всего вышеперечисленного, представляется также весьма полезным комплексное исследование истории Тульского государственного музея оружия, как в плане сравнительно-аналитического сопоставления с другими подобными музейными собраниями и учреждениями, так и в плане изучения его в качестве одного из уникальных образцов превращения музея-арсенала в музей как уникальный культурно-просветительский комплекс.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агаева И. Старинный тульский обряд проводов в солдаты (рекруты) // Тульский краеведческий альманах. 2006. Вып. 4. С. 34—36.
2. Аджинджал И. А. Кузнечное ремесло и культ кузни у абхазов // Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969. С. 232—274.
3. Амаду Ампба Ба. Африканское слово. Режим доступа: <http://africaners.com/africa-cultura/afrikanskoe-slovo/> (Дата обращения: 4.11.2017 г.).
4. Ардзинба В.Г. К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов) // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988. С. 263—306.
5. Ашурков В.Н. Оружейного дела надзиратель: Жизнь и деятельность тульского механика Алексея Сурнина (1767—1811 гг.). Тула: Приок. кн. изд-во, 1969. 64 с.
6. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1983.
7. Болхосоев С.Б. Обряд жертвоприношения дархаа тайха: Тайлаган духам-покровителям рода кузнецов «дархан удха» (небесное кузнечное происхождение) // Культурное наследие народов Сибири и Севера (Материалы Четвертых Сибирских чтений). СПб., 2000. С. 234—238.
8. Болхосоев С.Б. Шаманская наследственность «Удха» у западных бурят (Эхирит-булагатов): Дис... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2003. 157 с.
9. Верхотуров Д.Н. Крым. Военная история. От Ивана Грозного до Путина. М.: ЭКСМО, 2016.

10. Владыкина Т.Г. Знающий (туно) в удмуртской традиционной культуре. Режим доступа: [http://izhoroik.ortox.ru/users/98/1100698/editor_files/file/Владыкина Т.Г. Знающий \(туно\) в удмуртской традиционной культуре.pdf](http://izhoroik.ortox.ru/users/98/1100698/editor_files/file/Владыкина_Т.Г._Знающий_(туно)_в_удмуртской_традиционной_культуре.pdf) (Дата обращения: 19.12.2017 г.).
11. Гомбожапов А.Г., Сагалаев К.А. Новые материалы по кузнечному культу бурят (результаты полевого сезона 2010 г.) // Народная культура Сибири: материалы XIX науч. семинара Сибирского регион. вузовского центра по фольклору. 2010.
12. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990.
13. Дудко Д.М. Матерь Лада. Божественное Родословие славян. Языческий пантеон. М.: Эксмо, 2004.
14. Зыбин С.А. История Тульского императора Петра Великого оружейного завода. Т. 1. М., 1912.
15. Касаткин В.А. Добрынины во 2-й половине XVII — 1-й половине XVIII вв. Предыстория династии // Тульский краеведческий альманах. 2012. Вып. 9. С. 142—159.
16. Касаткин В.А. Чары гончаров: (К вопросу об исторических связях кирпичного, гончарного и игрушечного производств в Туле) // Мир и музей. 2000. № 1—2. С. 190—195.
17. Кобищанов Ю.М. Священные цари // Традиционные и синкретические религии Африки. М.: Наука, 1986.
18. Кондратьева Т.Н. Кузьмодемьян-свадебник // Рус. речь. 1979. № 1.
19. Коршунков В.А. Поп, скоморох, колдун и печник: обладатели сакрального статуса в традиционной культуре Русского Севера // Вятские записки: Герценка. Вып. 3. Киров, 2002. С. 93—102.
20. Кузнецов В.Л. Кузнецы и Кузнецовы // Вокруг света. 1970. № 11 (2542).
21. Кузнецы и шаманы. Режим доступа: <http://drevniy-daos.livejournal.com/80163.html> (Дата обращения: 2.11.2017 г.)
22. Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и до-шаманские термины. М.: Наука, 1978.
23. Манн Ю.В. Заметки о «неевклидовой геометрии» Гоголя, или «Сильные кризисы, чувствуемые целой массой» // Вопр. литературы. 2002. № 4. С. 170—200.
24. Михайлов В.А. Религиозная мифология. Улан-Удэ: Соел, 1996.
25. Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ Юго-Западной Сибири в эпоху бронзы: Дис... д-ра ист. наук. Кемерово, 2004.
26. Найдыш В.М. Мифология: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2010. 432 с.

27. Никонова А.А. Проблема архаического сознания и становление отечественной культурологической мысли 20—30-х гг. XX в.: Дис... канд. философ. наук. СПб., 2003.
28. Ольдерогге Д.А. Сума-оро — царь кузнецов и древняя культура Западной Африки // *Africana* (Африканский этнографический сборник). VII: Этнография, история, лингвистика. Л., 1969. С. 177—185.
29. Петров Ю.П. Социокультурный статус субъектов жизнедеятельности. Режим доступа: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1902 (Дата обращения: 23.12.2017 г.).
30. Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М.: Астрель, 2005. 463 с.
31. Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. М., 2000.
32. Пуцко В.Г. Деревянное изваяние Николы Можайского в тульском храме // Тульский краеведческий альманах. Вып. 2. 2004. С. 137—140.
33. Ростова Н. Человек — юродивый бытия. Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/chelovek_-_yurodivyj_bytiya_32236 (Дата обращения: 24.12.2017 г.).
34. Сагалаев К.А., Гомбожапов А.Г. Кузнец и шаман // Наука из первых рук. 2014. № 5/6. С. 84—95.
35. Синицына Л.В. Ткань и миф // Обсерватория культуры. 2012. № 3. С. 137—141.
36. Скляр А.Ю. Металлы — дар небесных богов. Режим доступа: <http://lah.ru/text/sklyarov/metal-web/text.htm> (Дата обращения 23.12.2017 г.).
37. Тульское начальство ТОЗ не празднует. Письмо ветерана. Режим доступа: www.nexplorer.ru (Дата обращения: 23.12.2017 г.).
38. Тюгашев Е.А. Социокультурный подход: Эпистемологический статус и содержание // Социальные взаимодействия в транзитивном обществе: сб. науч. тр. Вып. XIII. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та Экономики и Управления, 2011. С. 8—25.
39. Успенский Б.А. Антиповедение в культуре древней Руси // Успенский. Б.А. Избр. труды. Т. 1. М.: Гнозис, 1994.
40. Федчин В.С. Социально-философская антропология в России в XX веке. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1999.
41. Царские ружья из собрания тульского государственного музея оружия (к визитам членов царской семьи на Тульский оружейный завод) // Тульский краеведческий альманах. Вып. 2. 2004.
42. Чиковани М. Народный грузинский эпос о прикованном Амирани. М.: Наука, 1966. 326 с.

43. Чокаев К.З. К вопросу бытования образа Прометея в фольклоре чеченцев и ингушей // Пхармат. 1992. № 1.

44. Элиаде М. История веры и религиозных идей. Т. I. От каменного века до Элевсинских мистерий. М.: Критерион, 2002.

45. Юрков С.Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI — начало XX вв.). СПб.: Летний сад, 2003.

REFERENCES

1. Agaeva I. Starinnyj tul'skij obrjad provodov v soldaty (rekruty) // Tul'skij kraevedcheskij al'manah. 2006. Vyp. 4. S. 34—36.

2. Adzhindzhal I. A. Kuznechnoe remeslo i kul't kuzni u abhazov // Iz jetnografii Abhazii. Suhumi, 1969. S. 232—274.

3. Amadu Ampa Ba. Afrikanskoe slovo. Rezhim dostupa: <http://africaners.com/africa-cultura/afrikanskoe-slovo/> (Data obrashhenija: 4.11.2017 g.).

4. Ardzinba V.G. K istorii kul'ta zheleza i kuznechnogo remesla (pochitanie kuzni-cy u abhazov) // Drevnij Vostok: jetnokul'turnye svjazi. M., 1988. S. 263—306.

5. Ashurkov V.N. Oruzhejnogo dela nadziratel': ZHizn' i dejatel'nost' tul'skogo mehanika Alekseja Surnina (1767—1811 gg.). Tula: Priok. kn. izd-vo, 1969. 64 s.

6. Bajburin A.K. Ritual v tradicionnoj kul'ture. Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskih obrjadov. SPb.: Nauka, 1983.

7. Bolhosoev S.B. Obrjad zhertvoprinoshenija darhaa tajha: Tajlagan duham-pokroviteljam roda kuznecov «darhan udha» (nebesnoe kuznechnoe proishozhdenie) // Kul'turnoe nasledie narodov Sibiri i Severa (Materialy CHetvertyh Sibirskih chtenij). SPb., 2000. S. 234—238.

8. Bolhosoev S.B. SHamanskaja nasledstvennost' «Udha» u zapadnyh burjat (JEhirit-bulagatov): Dis... kand. ist. nauk. Ulan-Udje, 2003. 157 s.

9. Verhoturov D.N. Krym. Voennaja istorija. Ot Ivana Groznogo do Putina. M.: Jeksmo, 2016.

10. Vladykina T.G. Znajushhij (tuno) v udmurtskoj tradicionnoj kul'ture. Rezhim dostupa: [http://izhoroik.ortox.ru/users/98/1100698/editor_files/file/Vladykina T.G. Znajushhij \(tuno\) v udmurtskoj tradicionnoj kul'ture.pdf](http://izhoroik.ortox.ru/users/98/1100698/editor_files/file/Vladykina_T.G._Znajushhij_(tuno)_v_udmurtskoj_tradicionnoj_kul'ture.pdf) (Data obrashhenija: 19.12.2017 g.).

11. Gombozhapov A.G., Sagalaev K.A. Novye materialy po kuznechnomu kul'tu burjat (rezul'taty polevogo sezona 2010 g.) // Narodnaja kul'tura Sibiri: materialy XIX nauch. seminara Sibirskogo region. vuzovskogo centra po fol'kloru. 2010.
12. Gurevich A.JA. Srednevekovyj mir: kul'tura bezmolstvujushhego bol'shinstva. M.: Iskusstvo, 1990.
13. Dudko D.M. Mater' Lada. Bozhestvennoe Rodoslovie slavjan. JAzycheskij pante-on. M.: JEksmo, 2004.
14. Zybin S.A. Istorija Tul'skogo imperatora Petra Velikogo oruzhejnogo zavo-da. T. 1. M., 1912.
15. Kasatkin V.A. Dobryniny vo 2-j polovine XVII — 1-j polovine XVIII vv. Predistorija dinastii // Tul'skij kraevedcheskij al'manah. 2012. Vyp. 9. S. 142—159.
16. Kasatkin V.A. CHary goncharov: (K voprosu ob istoricheskikh svjazjah kirpichnogo, goncharnogo i igrushechnogo proizvodstv v Tule) // Mir i muzej. 2000. № 1—2. S. 190—195.
17. Kobishhanov JU.M. Svjashhennye cari // Tradicionnye i sinkreticheskie religii Afriki. M.: Nauka, 1986.
18. Kondrat'eva T.N. Kuz'modem'jan-svadebnik // Rus. rech'. 1979. № 1.
19. Korshunkov V.A. Pop, skomoroh, koldun i pechnik: obladateli sakral'nogo sta-tusa v tradicionnoj kul'ture Russkogo Severa // Vjatskie zapiski: Gercenka. Vyp. 3. Ki-rov, 2002. S. 93—102.
20. Kuznecov V.L. Kuznecy i Kuznecovy. // Vokrug sveta. 1970. № 11 (2542).
21. Kuznecy i shamany. Rezhim dostupa: <http://drevniy-daos.livejournal.com/80163.html> (Data obrashhenija: 2.11.2017 g.)
22. Manzhigeev I.A. Burjatskie shamanisticheskie i do-shamanskije terminy. M.: Nauka, 1978.
23. Mann JU.V. Zametki o «neevklidovoj geometrii» Gogolja, ili «Sil'nye krizi-sy, chuvstvuemye celuju massuju» // Vopr. literatury. 2002. № 4. S. 170—200.
24. Mihajlov V.A. Religioznaja mifologija. Ulan-Udje: Soel, 1996.
25. Mihajlov JU.I. Mirovozzrenie drevnih obshhestv JUgo-Zapadnoj Sibiri v jepo-hu bronzy: Dis... d-ra ist. nauk. Kemerovo, 2004.
26. Najdysh V.M. Mifologija: uchebnoe posobie. M.: KNORUS, 2010. 432 s.
27. Nikonova A.A. Problema arhaicheskogo soznanija i stanovlenie otechestvennoj kul'turologicheskoj mysli 20—30-h gg. HH v.: Dis... kand. filosof. nauk. SPb., 2003.

28. Ol'derogge D.A. Suma-oro — car' kuznecov i drevnjaja kul'tura Zapadnoj Af-riki // *Africana (Afrikanskij jetnograficheskij sbornik)*. VII: JEtnografija, istorija, lingvistika. L., 1969. S. 177—185.
29. Petrov JU.P. Sociokul'turnyj status sub#ektov zhiznedejatel'nosti. Rezhim dostupa: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1902 (Data obrashhenija: 23.12.2017 g.).
30. Petruhin V.JA. Mify finno-ugrov. M.: Astrel', 2005. 463 s.
31. Potebnja A.A. Simvol i mif v narodnoj kul'ture. M., 2000.
32. Pucko V.G. Derevjannoe izvajanie Nikoly Mozhajskogo v tul'skom hrame // *Tul'skij kraevedcheskij al'manah*. Vyp. 2. 2004. S. 137—140.
33. Rostova N. CHelovek — jurodivyj bytija. Rezhim dostupa: http://www.chaskor.ru/article/chelovek_-_yurodivyj_bytiya_32236 (Data obrashhenija: 24.12.2017 g.).
34. Sagalaev K.A., Gombozhapov A.G. Kuznec i shaman // *Nauka iz pervyh ruk*. 2014. № 5/6. S. 84—95.
35. Sinicyna L.V. Tkan' i mif // *Observatorija kul'tury*. 2012. № 3. S. 137—141.
36. Skljarov A.JU. Metally — dar nebesnyh bogov. Rezhim dostupa: <http://lah.ru/text/sklyarov/metal-web/text.htm> (Data obrashhenija 23.12.2017 g.).
37. Tul'skoe nachal'stvo TOZ ne prazdnuet. Pis'mo veterana. Rezhim dostupa: www.nexplorer.ru (Data obrashhenija: 23.12.2017 g.).
38. Tjugashev E.A. Sociokul'turnyj podhod: JEpistemologicheskij status i sodер-zhanie // *Social'nye vzaimodejstvija v tranzitivnom obshhestve: sb. nauch. tr. Vyp. VIII*. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. un-ta JEkonomiki i Upravlenija, 2011. S. 8—25.
39. Uspenskij B.A. Antipovedenie v kul'ture drevnej Rusi // Uspenskij. B.A. Izbr. trudy. T. 1. M.: Gnozis, 1994.
40. Fedchin B.C. Social'no-filosofskaja antropologija v Rossii v XX veke. Ir-kutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1999.
41. Carskie ruzh'ja iz sobranija tul'skogo gosudarstvennogo muzeja oruzhija (k vizi-tam chlenov carskoj sem'i na Tul'skij oruzhejnyj zavod) // *Tul'skij kraevedcheskij al'-manah*. Vyp. 2. 2004.
42. CHikovani M. Narodnyj gruzinskij jepos oprikovannom Amirani. M.: Nauka, 1966. 326s.
43. CHokaev K.Z. K voprosu bytovanija obraza Prometeja v fol'klоре chechencev i in-gushej // *Pharmat*. 1992. № 1.

44. JEliade M. Istorija very i religioznych idej. T. I. Ot kamennogo veka do JElev-sinskih misterij. M.: Kriterion, 2002.

45. JUrkov S.E. Pod znakom groteska: antipovedenie v russkoj kul'ture (XI —nachalo HH vv.). SPb.: Letnij sad, 2003.

Рецензент:

Гриценко Е.П., канд. культурологии, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела ФГБУК ГМПЗ «Музея-усадьба ЛН.Толстого “Ясная Поляна”».